

Начало
пер. Олсуфьев
Бобинск
ор. автор.
1915

Иль 2255
А. Полуяновъ.

Частушка, какъ живой отзвукъ народной жизни.

136460.

Издание Вологодскаго Общества изученія Сѣвернаго края.

902.8 + 8(c)p + B-68

П-49

УЧЕБНИКОВАЯ ЗАДАЧА
ПУБЛИКАЦИЯ БЕЛЫНСКА

Частушка, какъ живой отзвукъ народной жизни.

Симаковъ В. И. Сборникъ деревенскихъ частушекъ. Ярослав. 1913. Ц. 2 руб.—Сборникъ великорусскихъ частушекъ. Подъ ред. Е. Н. Елеонской. Изд. Комиссии по нар. слов. Этнографическомъ Отдѣлѣ И. О. Л. Е., А. и Э. М. 1914. Ц. 2 руб.

Если экономическая сторона жизни сельскаго населенія Россіи могла быть болѣе или менѣе точно изслѣдована статистическимъ методомъ и могла быть соотвѣственно понята, то духовный бытъ нашего крестьянскаго міра,—его настроенія, взгляды, міровоззрѣніе,—до сихъ поръ является для большинства такъ называемой интеллигенціи въ большой степени terra incognita. Точныхъ методовъ для обслѣдованія духовной жизни народа не существуетъ. Наконецъ, крестьянская масса далеко не однородна и далеко не настолько консервативна, чтобы ея настроенія могли надолго фиксироваться въ какихъ либо устойчивыхъ и опредѣленныхъ формахъ. Настроенія, какъ и міровоззрѣніе народной массы мѣняются въ зависимости отъ формъ ея экономическаго быта, отъ той или иной причастности ея къ общечеловѣческой культурѣ, а также отъ рамокъ ея правовыхъ нормъ и взаимоотношеній. Эти настроенія настолько сложны, разнообразны и въ то же время неустойчивы, что только непосредственное наблюденіе и изученіе народной жизни можетъ дать ключъ для болѣе или менѣе правильнаго ихъ пониманія. Разумѣется, это послѣднее удается далеко немногимъ.

Вотъ почему книги, заглавія которыхъ мы привели выше, являются весьма цѣнными для изученія и пониманія духовной жизни народа, какъ живой отзвукъ этой жизни.

Деревенская частушка... Это не пѣсенка только и не пѣсенный каламбуръ. Это—до наивности правдивое изображеніе настроенія народной души преимущественно души деревенской молодежи, людей того возраста, когда чувства наиболѣе непосредственны, а умъ наиболѣе живо реагируетъ на все окружающее.

Книга В. И. Симакова—объемистый томъ въ 700 безъ малаго страницъ и представляетъ собой съ рѣдкой детальностью систематизированный сборникъ частушекъ, записанныхъ составителемъ и его многочисленными корреспондентами въ предѣлахъ губерній: Архангельской, Вологодской, Вятской, Олонецкой, Пермской, Костромской, Ярославской, Тверской, Псковской, Новгородской и Петербургской, т. е. въ предѣлахъ всей громадной территоріи сѣверо-восточной Россіи, населенной исконнымъ великороссійскимъ племенемъ. Область, которую освѣщаетъ вторая книга, включаетъ въ себя всю ^{Великоросіи} Вологодскую и нѣсколько губерній Сибири. Одна читатель едва ли найдетъ среди многихъ тысячъ приведенныхъ въ указа

ныхъ сборникахъ частушекъ какія либо опредѣленные мѣстные географическіе или бытовые признаки, если не считать признаковъ лингвистическихъ; характеръ частушекъ, какъ и форма ихъ настроенія всюду чрезвычайно схожи; есть не мало частушекъ, которыя почти повторяютъ другъ друга въ самыхъ противоположныхъ краяхъ страны. Напримѣръ, Енисейская дѣвушка поетъ:

Не хочу я чаю пить,
Заварю ромашки;
Не хочу замужъ идти,
А хочу въ монашки.

Орловская—повторяетъ тѣ же слова, только на своемъ говорѣ:

Ни хачу я чаю пить
Засыплю ромашки;
Ни хачу замужъ идить,
А пѣйду въ манашки.

По этому поводу В. И. Симаковъ замѣчаетъ, между прочимъ, въ другомъ мѣстѣ ¹⁾, что чѣмъ частушка распространеннѣе, тѣмъ она литературнѣе, выразительнѣе ²⁾. Напримѣръ.

Дѣвка пой, пока поется,
Выйдешь замужъ—непридется;
Непридется пѣсни пѣть,
Придется горюшко терпѣть.

Современная частушка явленіе сравнительно новое въ народномъ творествѣ. Правда, когда Гл. Ив. Успенскій впервые увѣковѣчилъ ее на страницахъ „Русскихъ Вѣдомостей“ (№ 110. 1889 г.) частушка была уже довольно распространеннымъ явленіемъ, но частушка современная и частушка добраго стараго времени—не одно и тоже; прежней частушкой были исключительно или плясовая или характерныя пѣсенки, которыя ребята любили пѣть (поютъ и теперь) подъ акомпаниментъ гармоники или другого народнаго инструмента. Но совершенно ошибочно было бы думать, что нынѣшняя частушка явилась на смѣну старыхъ пѣсенъ. Нѣтъ, говоритъ Симаковъ, на смѣну старыхъ пѣсенъ явилась не частушка, а романсы и пѣсни нашихъ извѣстныхъ поэтовъ, каковы Некрасовъ, Никитинъ и др. „Частушка, продолжаетъ г. С., играетъ скорѣе роль не пѣсни, а остраго словца, сказаннаго экспромптомъ“. Самъ народъ нигдѣ не зоветъ ее пѣсней, а припѣвкой, коротушкой, причудкой и т. д. Частушку поютъ парни подъ акомпаниментъ гармоники; поютъ дѣвушки во время гулянья; поютъ для „распѣвки“ передъ протяжными пѣснями и послѣ нихъ—для отдыха; поютъ

1) Симаковъ В. И. Нѣсколько словъ о деревенскихъ припѣвкахъ-частушкахъ. СПБ. 1913.

2) Правильнѣе было бы, намъ кажется, сказать наоборотъ: чѣмъ частушка выразительнѣе, тѣмъ она оказывается распространеннѣе.

за работой и во время отдыха". Самостоятельная мелодія частушки обычно мажорная. Въ единоличномъ исполненіи мелодія частушки поется то въ одной, то въ другой октавѣ, оставаясь въ той же тональности; это явленіе встрѣчается чаще среди женщинъ, обладающихъ голосами большого діапазона". (Е. Дмитріева). Г-жа Елеонская, характеризуя частушку, приходитъ почти къ одинаковому выводу съ г. Симаковымъ: „мѣткость и краткость частушки сближаетъ ее съ афоризмомъ, пословицей, поговоркой“.

Въ широкой публикѣ города, далекой отъ деревенской дѣйствительности, къ частушкѣ относятся обыкновенно съ предубѣжденіемъ, находя ее грубой и циничной; но такое мнѣніе, будучи огульнымъ, совершенно несправедливо. Стоитъ только ближе и пристальнѣе вдуматься въ типичные образцы этого рода народнаго творчества, чтобы придти къ другому выводу. Нѣтъ такого явленія въ жизни деревни, на которыя не реагировали бы частушки; частушки—это подлинныя переживанія настроенія и думы деревни.

Естественно, что составляемая обыкновенно молодежью, частушки прежде всего отражаютъ любовь, анализируя со всѣхъ сторонъ отношенія между парнемъ и дѣвушкой, между мужчиной и женщиной. И вотъ здѣсь, въ такъ называемыхъ „любовныхъ“ частушкахъ, встрѣчается иногда не мало и циничнаго. Но не надо забывать, что, во первыхъ, циничные куплеты поются исключительно мужской молодежью и то подъ пьяную руку и что, во вторыхъ, частушки интимнаго характера всегда поются только въ тѣсномъ кругу товарищей и подругъ. И вообще, частушки, какъ „созданіе индивидуальнаго личнаго творчества“ (Д. Зеленинъ) рѣдко поются ¹⁾ передъ большой публикой, а если и поются, то только такія, на счетъ которыхъ у исполнителей есть увѣренность, что онѣ не встрѣтятъ неодобренія или ворчанія старыхъ или—еще хуже—незнакомыхъ людей. Есть въ сборникѣ Симакова частушка, которая какъ бы нарочно написана для того, чтобы удивительно просто и образно объяснить это обстоятельство. Вотъ она.

Передъ Петрышкомъ

Пройду ~~перышкомъ~~

Передъ добрыми людьми

Пройду бѣлыми грудьми.

Да, это она, частушка, говорить про себя; это она пройдетъ ^{ред}рышкомъ“ передъ приличнымъ и можетъ быть строгимъ Петрышкомъ; это она пройдетъ смѣло и доверчиво, „бѣлыми грудьми“, такая, такая есть, передъ добрыми людьми, которые одни только и могутъ понять ее, близкую и родную...

Увѣренно, поэтому, можно сказать, что нижеприведенная частушка передъ „Петрышкомъ“ никогда не споется:

¹⁾ Вѣрнѣе было бы вездѣ говорить декламируются, такъ какъ б. ч. частушекъ исполняется почти речитативомъ.

Какъ у Сашиной гармошки
Оторвалося ушко;
Какъ у Сашиной милашки
Прибавляется брюшко.

Мы уже сказали выше, что любовь—излюбленная тема творцовъ деревенскихъ частушекъ. И что же можетъ быть другое болѣе близкое, чѣмъ любовь въ современныхъ условіяхъ жизни деревенской молодежи?—Вѣдь молодость вообще мимолетна, а у крестьянина въ особенности. Едва человѣкъ возмужаетъ, едва раскроетъ свои глаза на міръ Божій, какъ суровая жизнь уже властно налагаетъ на него свои жесткіе шипы и тяжелыя обязанности. Только и пожить пока молодь!

Мои щечки, что листочки,
Глазки—что смородинки;
Давай, милый, погуляемъ,
Пока мы молоденьки.

Всѣхъ получше изъ артели
Въ сѣрой кепочкѣ одинъ.
Мы съ подружкой любовались
Изъ окошечка надъ нимъ.

Погодите не рубите
Молодую елочку,
Погодите отдавать
Дорогую милочку.

Милка взглянетъ, улыбнется,
Точно солнышко взойдетъ,
Къ ретиву сердцу прижмется—
Тоска, горе отойдетъ.

Но частушка поется не только тогда, когда бодро и весело на душѣ. Часто, очень часто, поется она и съ горя, черезъ слезы. Разлука съ милымъ—тяжелое горе для дѣвушки:

На послѣднихъ—ту ростаняхъ
Пала милому на грудь.
Я просила умоляла:
Меня, милый, не забудь!

Тяжело дается дѣвушкѣ и подневольная работа на чужой сторонѣ, изъ за куска хлѣба:

Незавидуй ка, подружка,
Что я по людямъ живу:
Ты наспишься, належишься—
Я съ работушки иду.

Раскачался дубъ зеленый
На высокой на горѣ;
Цѣлый день ревѣла дѣвка
На чужой на сторонѣ.

Но и дома, въ сиротствѣ, не мало горя у дѣвушки:

У сиротки столько горя,—
Куда горюшко дѣвать?—
Я снесу во чисто поле—
Поди, горюшко, гулять!

Но особенно трогательны страданія дѣвушки, когда милый уходитъ въ солдаты.

Мнѣ сказали: друга сдали;
Я съ ума было сошла:
Въ корридорѣ заблудилась,
Въ избу ходу не нашла...

Пойду выйду на крылечко,
Погляжу на зорюшку;
Дролю отдали въ солдаты—
Бѣдную головушку.

Еще тяжелѣе переживаетъ солдатчину мать:

Не кукушечка кукуетъ,
Не соловьюшко поетъ;
Родна матушка горюетъ—
Сынъ въ солдатушки идетъ...

Любить дѣвушка—и тутъ не обходится безъ страданія:

Никто горюшко не знаетъ
Никто не былъ на умѣ;
Нѣту дрочечки любѣ—
И покою нѣту мнѣ.

До чего вѣтеръ додуетъ,
До чего-то дошумить!
До чего мое сердечушко
Доноетъ, доболить!

Иное положеніе парня. Онъ болѣе выносливъ и болѣе независимъ въ своихъ личныхъ поступкахъ. Съ него, какъ говорится, все какъ съ гуся вода! Но и онъ глубоко страдаетъ, порой, не находя взаимности:

Не деревня меня сушить,
Сушить сухотиночка,
Сушить сухотиночка,
Дѣвченка сиротиночка.

Или тоскуеть, живя вдали отъ милой:

У тальянки мѣдны планки
Тонки, звонки голоса,
Чтобы слышала милая
Черезъ темные лѣса!

За то другія препятствія его не тревожатъ и онъ ихъ не боится:

Колотили, бухали
По моей головушкѣ;
Хоть бы что, милашка, мнѣ—
Я опять иду къ тебѣ.

Но эта такъ глубоко и нѣжно умѣющая любить другъ друга молодежь, не прочь иногда и жестоко посмѣяться надъ слабостью или уродствомъ другъ друга:

Мою милку звали Машкой—
Руководѣльная была:
Въ рѣшето коровъ доила,
Помеломъ избу мела.

У меня миленокъ есть—
Страмъ по улицѣ провестъ:
Ротъ большущій до ушей,—
Хоть завязочки пришей.

И вообще, здоровый юморъ и ядовитая сатира—явленіе очень распространенное въ частушкѣ. Въ сборникѣ Симакова есть, между прочимъ подзаголовкомъ „Деревенская декаденщина“. Можно было бы подумать, судя по этому подзаголовку, что и въ деревню проникла, наконецъ, эта распространенная нынѣ среди нашей пишущей братіи мода и на стилизованный стихъ, и на стилизованное чувство. Оказывается, однако, что все содержимое этого подзаголовка не болѣе, какъ смѣхотворные каламбуры. Напримѣръ:

Ты гуляй, гуляй, портянка,
Гуляй лаптева сестра;
Ты гуляй, мортянка, съ лаптемъ
Вплоть до самаго утра.

Или:

Горохова рубаха,
Овсяные штаны,
Шляпа на ухо надѣта,
Съ простоквашей сапоги.

Хорошій, здоровый юморъ но не декадансъ!

Да иначе и быть не могло! Народу нашему, съ его здоровыми, нормальными чувствами еще совершенно чужды и непонятны тѣ болѣзненные настроенія (большею частью, впрочемъ, подражательныя), которыя свойственны писательской богемѣ, работающей для услады нашей пресыщенной всѣмъ буржуазіи и изнервничавшейся буржуазной интеллигенціи. И въ самомъ дѣлѣ, развѣ могутъ быть патологичны мысли и чувства тѣхъ, зрѣніе и слухъ кого воспитали—

Луговинъ поемные просторы
Тишина обкошеннѣи межи,
Облаковъ жемчужные узоры
И дѣвичья пѣсенка во ржи?

Избытокъ силъ, которыя не куда разумно примѣнить, отсутствіе въ деревнѣ какихъ бы то ни было культурныхъ или просвѣтительныхъ учреждений, двери которыхъ были бы широко открыты для населенія. слабое вліяніе школы, которую молодежь оставляетъ, къ тому же, еще въ дѣтствѣ, 11—13 лѣтъ,—все это, взятое вмѣстѣ, благопріятствовало созданію среди молодежи культа спеціальнаго разгульнаго хулиганства. Водка, табакъ и пиво, всюду несравненно болѣе доступныя, чѣмъ книга, сыграли здѣсь большую роль,—и вотъ передъ нами типъ парня-хулигана. Правда, самый отъявленный хулиганъ, поженившись, вскорѣ же дѣлается обыкновенно трудолюбивымъ и домовитымъ работникомъ, но, пока что, онъ надѣлаетъ своему околотку серьезныхъ непріятностей, вплоть до смертоубійства. Вотъ что говорить о хулиганахъ частушка:

Мы ребята-ежики
Въ голенищахъ ножики,
По двѣ гири на вѣсу,
Револьверъ на поясу.

Мы по улицѣ пройдемъ—
Рамы клещемъ, стекла бьемъ;
Рамы клещемъ, стекла бьемъ
На ворота деготь льемъ.

¹⁾ Мы нарочно взяли это четырехстишіе изъ блестящаго стихотворнаго шедевра («Подъ вечеръ») Н. Клюева, написаннаго тогда, когда молодой поэтъ только что пришелъ изъ народа въ городъ и еще не подвергся дальнѣйшему вліянію послѣдняго (Н. Клюевъ «Сосенъ перезвонъ». Съ предисловіемъ В. Брюсова М. 1912).

Меня били, колотили
Въ три кола, въ четыре гири—
Мнѣ мальчишкѣ нипочемъ,—
Не убить и кирпичемъ.

Водка подъ рукой, и она становится дороже всего:

/Ты—бутылочка сестрица,
Полуштофъ—родной отецъ,
Четвертная—мать родная,
Проведи меня въ конецъ.

Нѣтъ ничего кругомъ прочнаго, бодрящаго, и отсюда полное недовѣріе
и скептицизма отношеніе ко всему окружающему.

Эхъ, какое стало время,
Эхъ, какія времена!
Вѣковая то кормилица
На хутора пошла!

"Богачу опять лафа,
Придумали отруба;
Онъ земельку собереть,
Жить на отрубъ перейдетъ,
А мы, бѣдны мужики,
Обирай его клоки.

Пересталъ курить и пить—
Думалъ легче будетъ жить,
Эдакъ дѣлалъ, такъ пыталъ,—
Такъ и эдакъ голодалъ.,

Ну и время! Ну и да!
Мужику совсѣмъ бѣда:
Нѣту хлѣба, нѣтъ земли,
А за податямъ пришли!

Какъ во нашемъ во селеньи
Безобразіе идетъ:
Дьячокъ ризу пропиваетъ,
Попикъ пѣсенки поетъ.

Дума въ Питерѣ сидитъ,
Важно засѣдаетъ;
Про мужицкія нужды
Ничего не знаетъ.

Скептицизмъ, какъ видите, не безосновательный, но быть скептикомъ не значить быть пессимистомъ. И пессимизма въ народѣ нѣтъ и быть не можетъ. Вдумайтесь только въ этотъ яркій, образный языкъ, въ эти строфы, гдѣ блещутъ искры здороваго ума, нѣжнаго чувства и молодого задора! Въдь все это—элементы жизни, творческіе потенціалы, готовые и могущіе создать, при благопріятныхъ условіяхъ, счастливую, свободную и бьющую ключемъ жизнь...

Мы могли бы охотно привести еще много интересныхъ выдержекъ изъ прекрасно составленнаго сборника В. И. Симакова ¹⁾, но для нашей задачи довольно и этихъ. Если читатель желаетъ поглубже окунуться въ міръ частушекъ и живо почувствовать на себѣ подлинное дыханіе народной жизни и мысли—пусть онъ самъ непосредственно обратится къ указаннымъ сборникамъ.

Въ заключеніе не можешь не указать, что оба сборника снабжены въ высокой степени интересными и важными для изученія предмета введеніями и указателями и представляютъ собой, несомнѣнно, наиболее цѣнное изъ всего того, что напечатано до сихъ поръ о деревенской частушкѣ.

А. Полуяновъ.

¹⁾ Почти всѣ выше приведенныя частушки мы заимствовали изъ этого сборника. Помимо того, что благодаря систематизации матерьяла имъ легче пользоваться, мы находимъ, что и самый матерьялъ въ немъ свѣжѣе и разнообразнѣе, чѣмъ въ сборникѣ подъ редакціей Елеонской.